

Политика

Упущенный шанс

© 2015

В. Шабалин

В статье рассказывается о некоторых малоизвестных ранее событиях, направленных на поиск урегулирования советско-китайских связей в сложных условиях обострения отношений между СССР и КНР. Работа выполнена на основе материалов личного архива автора.

Ключевые слова: советско-китайские отношения; поездка делегации советских ученых; международный отдел ЦК КПСС.

В 1978 г. меня назначили заведующим сектором Китая отдела ЦК КПСС. До этого я в течение ряда лет занимался проблемами экономических отношений социалистических государств с развивающимися, отошел от оперативных дел по Китаю, поэтому попросил направить меня в Пекин, чтобы своими глазами увидеть страну и почувствовать характер происходящих там событий. Это была первая поездка в КНР сотрудника отдела ЦК КПСС за время и после «культурной революции». Межпартийные контакты были прерваны, и я поехал как старший советник МИД СССР в качестве гостя посла.

В КНР к тому моменту завершилась целая историческая полоса. Главное — завершилась «культурная революция»...

Весной 1976 г. в окрестностях Пекина разразилось крупнейшее землетрясение. Погибли 650 тыс. человек. По китайским поверьям, такие землетрясения являются предвестниками смены династий.

В сентябре 1976 г. умер Мао Цзэдун. В пекинской верхушке резко обострилась борьба за власть. Через месяц после смерти Мао арестовали «банду четырех», в руках которой была сосредоточена вся полнота государственной и партийной власти: Ван Хунвэнь — заместитель председателя ЦК КПК, Чжан Чунъюань — заместитель премьера Госсовета КНР, Цзян Цин — жена Мао и Яо Вэньюань — все четверо были членами политбюро ЦК КПК. Всех поместили в тюрьму, переложив на них переложили ответственность за наиболее одиозные эксцессы «культурной революции». На XI съезде КПК (1977 г.) было объявлено, что «культурная революция», продолжавшаяся 10 лет, закончилась разгромом «группы четырех».

Я оказался в необычной политической атмосфере, увидел взбудораженную страну, мятущийся народ, замешательство элиты, стремящейся найти свое место в идейно-политической неразберихе. Смутное время...

Смерть Мао, арест «банды четырех» углубили кризис прежней политики и идеологии Пекина, порождали разброд, «кризис веры». Китайские политики и печать бросались из крайности в крайность, но преобладал резко критический настрой. Встречи и беседы с китайскими представителями, материалы печати показывали, что широкое недовольство различных слоев населения своим положением выражалось чаще всего стихийно, сумбурно, использовалось различными политическими силами. В противоречивом потоке критики и отстаивания идей Мао Цзэдуна, отрицания и оправдания «культурной революции» отражались разнородные политические тенденции. Наиболее отчетливо проявлялось стремление переоценить, модернизировать идейно-политическое наследие Мао, отбросить его «левые» ошибки, осуществить перестройку общественной структуры страны, определить новый, более эффективный путь создания мощного Китая. Вместе с тем прилагались усилия сохранить базисные положения маоизма и, используя политическую силу государства, ускорить темпы строительства Великого Китая.

Что касается критики с позиций буржуазного демократизма, призывов следовать примеру Запада и смыкаться с ним, а также критики с позиций «реального социализма», призывов идти по советскому пути и дружить с СССР, то эти точки зрения оказались в тот период на периферии идейно-политической борьбы. Вопросы внешней политики как бы отошли на задний план.

Основное впечатление от поездки состояло в том, что китайское общество после смерти Мао оказалось в глубоком социальном, идейно-политическом кризисе, из которого неоднородное по составу руководство страны активно искало выход путем широкого маневрирования во всех сферах жизни. Сложность ситуации не могла быть определена однозначно, одним заклиниванием или лозунгом. Китай — то толчками, то тормозя — пока еще двигался в основном по прежней орбите, но уже появились признаки, что КНР может сойти с нее, переместиться в другое пространство. Так я и докладывал руководству отдела ЦК КПСС.

В декабре 1978 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. Он обозначил начало крутого перелома в жизни страны. Пленум дал довольно реалистическую оценку положения в экономике, осудил левацкие ошибки. Совершив поклоны идеям Мао Цзэдуна, отодвинул на задний план установку на классовую борьбу и принял стратегическое решение о переносе центра тяжести всей работы на экономику, прежде всего на подъем сельского хозяйства; призвал провести «серьезную реформу» хозяйственного механизма. Руководство партии укрепились за счет сторонников Дэн Сяопина. Решения пленума носили характер общих политических установок, но они давали почувствовать, что обозначился переход к активному поиску новой стратегии и модели развития народного хозяйства. Они намечали контуры принципиально нового социально-экономического строя: восстановление многоукладности, активизацию мелкособственнической и частно-предпринимательской инициативы, сужение сферы государственной собственности и планирования, внедрение рыночных регуляторов, привлечение иностранного капитала. Возник образ другого, не советского социализма, «социализма с китайской спецификой». Точнее говоря, — это был еще смутный образ смешанной экономики, на базе которой неизбежно должны были формироваться и новые общественные структуры.

Постепенное укоренение новых принципов и методов развития экономики сопровождалось существенными изменениями в государственном строительстве и в социальной политике. В 1978 г. утверждается новая Конституция КНР, которая восстановила прежнюю систему государственной власти. Были упразднены классовые квалификации в отношении помещиков и кулаков, они стали равноправными членами кооперативов; осуществлена «реабилитация» национальных капиталистов, получивших статус трудящихся; проведена широкая амнистия бывших гоминьдановских чиновников, функционеров и военных. Были приняты законы, легализующие деятельность иностранного капитала, западным вкладчикам предоставлены налоговые льготы. Постепенно преодолевался кризис и

разброд в партии и государстве. Мое сообщение не произвело впечатления на партийное руководство: в нем не было однозначных оценок, однозначных осуждений Пекина.

Заметным шагом на новом пути явился 6-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (июнь 1981 г.), который сурово осудил «культурную революцию», подчеркнул, что она «подрывала устои социализма, но основы его не ликвидировала». Главная ответственность за «культурную революцию» была возложена на Мао Цзэдуна: он «совершил множество промахов» и «очень серьезных ошибок». При этом лидеры КПК прибегли к сложным маневрам. Оценивая Мао Цзэдуна, они прошли по острию ножа. Отвергая одиозные и неприемлемые в новых условиях постулаты Мао, резко осуждая его ошибки, стремились при этом сохранить авторитет вождя и то из его наследия, что помогало строительству китайского социализма. Они критиковали пороки Мао Цзэдуна не для того, чтобы плясать на трупе, а для освобождения от скверны во имя, в конечном счете, более успешного строительства мощного Китая. Они считали необходимым обелить главное в идеях Мао Цзэдуна, квинтэссенцией которых является стремление к Великому Китаю, и сохранить Мао в качестве символа единства государства, нации, партии, учитывая, что он олицетворял героизм гражданской войны, победу народной власти, успехи индустриализации, отстаивал независимость Китая. Был сделан известный вывод: Мао — грешник, но он велик; закреплялась формула: 70% в его деятельности — позитив, 30% — негатив.

Москва, непосредственно по следам событий, оценила решения пленумов ЦК КПК, неоднозначные процессы, происходившие в КНР, упрощенно — как реанимацию маоизма. Однако *это была реанимация, сопровождавшаяся ампутацией и операциями по изъятию омертвевших и вживлению новых органов. Изучение и оценка тенденций развития ситуации внутри Китая, наряду с анализом сферы непосредственно советско-китайских отношений, приобретали решающее значение для выработки стратегии и тактики Москвы.*

В связи с этим в июне 1982 г. по решению политбюро ЦК КПСС я вновь посетил Китай в качестве гостя посла СССР. Советско-китайские отношения все еще не наладились, официальные приглашения стороны друг другу не направляли.

Страна предстала в движении. Почти на каждом шагу пробивались свежие ростки. Экономика восстанавливалась. Продукция промышленности и сельского хозяйства росла, хотя и несбалансированно, темпами выше 7% в год. По-новому зажила деревня, две трети крестьянских дворов вели, по сути, частное хозяйство, в том числе с привлечением наемного труда; более 1 млн тракторов перешли в собственность крестьян. Впервые за последние 25 лет деревня начала строиться. Мне с гордостью демонстрировали новые, хотя и убогие по европейским меркам, 2–3-этажные кирпичные крестьянские дома. «Кулаки? — Нет, зажиточные крестьяне, теперь каждый может стать богатым». На рынках суета, гомон. Люди ожили. В городах возобновили деятельность мелкие частные магазины, закусочные, мастерские. Оборот частной торговли увеличился на 80%, государственной — на 4%. Как из-под земли выросли пока еще редкие высотные гостиницы, они забиты зарубежными китайцами, а также японцами, американцами. В Пекине на месте снесенных мощных древних городских стен проложены современные магистрали. Исчезли политические лозунги, не видно цитат из работ Мао Цзэдуна. У свежезакрашенных «стен демократии», когда-то густо залепленных дацзыбао, толпятся стайки молодых безработных.

Китайская пропаганда (газеты, журналы, телевидение), путаясь порою в сложных перипетиях идеологических противоречий и клановой борьбы в руководстве КНР, тем не менее довольно последовательно озвучивала три темы: «усовершенствование идей Мао Цзэдуна», обоснование внешнеполитического поворота на Запад и антисоветизм. В огромном музее революции главный экспонат — два захваченных советских танка (один — у Даманского, другой — во Вьетнаме). В этой последней теме стало меньше политических заклинаний, появились крупными объективной информации. Обратило вни-

мание обилие новой литературы по вопросам экономики, число газет и журналов в стране после «культурной революции» выросло к этому времени в 3–4 раза. Прежде всего это были работы по изучению зарубежного опыта управления экономикой, в том числе развитых стран (США, Япония), некоторых европейских государств (Югославия, Венгрия) и Советского Союза; китайские авторы призывали «прорвать советский шаблон», учесть концепции проповедников «рыночного социализма» (В. Брус, О. Шик, Э. Кардель), видных ученых Запада. Преобладали работы китайских ученых и политиков, нацеленные на критический анализ развития народного хозяйства КНР и всестороннее обоснование идеи о превалирующем значении *специфики страны и множественности моделей хозяйствования*. Эти проблемы стояли в центре дискуссий. В Китае шел явный поиск «своей» модели экономики. Широта научного обсуждения заметно превосходила «творчество» советских ученых по вопросам преобразований в Китае, да и по вопросам возможных реформ в нашей стране.

Я обратился в китайский «Интурист» с просьбой организовать встречу с китайскими друзьями, с которыми в 1957–1959 гг. учился в Пекине. Уверенности, что это возможно, не было, но через два дня такая встреча состоялась в Народном университете. Все собеседники прошли через мясорубку «культурной революции» и были полностью реабилитированы. Как будто и не пролетели 20 лет, доброжелательно вспоминали прошлое.

Лю Юцинъ — преподаватель университета, с которым я в свое время объездил половину Китая, стал заместителем заведующего кафедрой. Он уже не занимался экономикой СССР, а занимался США. «Советский Союз потерял китайский рынок и не сможет конкурировать с Западом. Китай, — подчеркнул Лю, — никогда не пойдет на союз с Вашингтоном, нам нужны технологии, капиталы, рынок сбыта. Москва же экспортирует только слова. После того, как Хрущев отозвал советских специалистов, Советскому Союзу трудно верить. В России есть понятие “тройка лошадей”. У нас коренная лошадь — государственная экономика. К ней мы пристегиваем двух коней. Слева — частная инициатива и национальные капиталисты, справа — иностранный капитал. Наша “тройка” укорит движение к социализму с китайской спецификой».

Су Хун, которая училась в МГУ, а затем мы стажировались в Народном университете Китая (она была близка к семье Лю Шаоци, говорили, что она его приемная дочь), превратилась в главного редактора ведущего театрального журнала, сетовала на то, что Москва не разобралась с «культурной революцией», не сумела по-умному поддержать Лю Шаоци и Дэн Сяопина. «Китайцы совсем не понимают, почему новую жизнь называют “маоизмом”. Советская пропаганда перестает восприниматься».

Мне передали список готовящихся к публикации книг русских и советских авторов — около 20 названий, сообщили, что в Китае создано более двух десятков научно-исследовательских центров по Советскому Союзу.

В Пекине состоялись беседы с послами социалистических стран. Послы говорили, что в Китае происходит демаоизация, страна движется в поисках своего пути, пора «вылезать из окопов и заполнять вакуум». Неоднозначные мнения существовали и в нашем посольстве. Сотрудники шутили: при решении сложных проблем «у посла все чаще усы принимают форму вопросительного знака».

Вернувшись в Москву, я докладывал о впечатлениях комиссии политбюро ЦК КПСС по китайскому вопросу. Такие комиссии создавались по важнейшим проблемам жизни государства и обычно состояли из членов политбюро и секретарей ЦК КПСС. К сожалению, об их работе мало что известно.

На этот раз в совещании принимали участие члены политбюро Ю.В. Андропов (секретарь ЦК КПСС), А.А. Громыко (министр иностранных дел), Д.Ф. Устинов (министр обороны), А.П. Кириленко (секретарь ЦК КПСС); секретари ЦК КПСС М.В. Зимин и К.В. Русаков, председатель КГБ СССР В.В. Федорчук, а также директор Института

Дальнего Востока АН СССР М.И. Сладковский, заведующий Дальневосточным отделом МИД СССР М.С. Капица.

Перед «портретами» я выступал впервые (передо мной сидели люди, портреты которых носили на демонстрациях). В основном линия доклада была ясна. На XXIII съезде КПСС (1981 г.) Л.И. Брежнев сказал: «Во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время». Изменения происходят, с этим вряд ли будут спорить. Каков их характер? Куда они ведут? Здесь мнения расходились. Немало дискуссий было и внутри отдела ЦК КПСС. Я построил выступление по принципу — живая картинка и несколько слов оценки.

...В течение 25 лет в КНР была запрещена свободная торговля зерновыми. А ныне сидит на рынке проклятый солнцем крестьянин, продает мешок зерна. Во все сферы экономики внедряются рыночные элементы... Зашел в дом бывшей помещицы, она получила гражданские права, арендует гектар фруктового сада, социальная обстановка меняется... Раньше на каждом велосипеде висела красная планка с цитатой из работ Мао Цзэдуна, теперь на огромных бетонных стендах реклама западной техники... В Китае издано полное собрание сочинений В. И. Ленина. Сказал о росте экономики, о «трех конях», оживлении культурной жизни, о настроениях послов социалистических стран, о беседах с китайцами, о танках в музее.

Напрашивались выводы: Пекин начинает строить свой Китай — не советский, не американский, не маоистский. Главное — экономика. Все это оправдано. Внутренние изменения не ведут к обострению советско-китайских отношений, напротив, могут вызывать позитивную корректировку внешней политики. Появились крупинцы позитива. Все новое следует учитывать...

Мое сообщение продолжалось более 20 минут. Для совещания такого уровня — очень большой срок. Однажды я докладывал на секретариате ЦК КПСС об итогах поездки во Вьетнам. Начиналась «перестройка», в многотысячных наших рабочих коллективах в СРВ обстановка была сложная. Вел секретариат Е.К. Лигачев. «Справка хорошая, предложения ясные. Вам хватит 2–3 минут?». Я успел сказать несколько фраз.

До моей поездки в Пекине также в качестве гостя советского посла побывал заведующий Дальневосточным отделом МИД М.С. Капица. Он отметил: «Подул ободряющий зефир». Наши впечатления в основном совпадали.

Читаю его воспоминания как раз о периоде 1982 г., опубликованные после того, как не стало ни ЦК, ни КПСС. Капица пишет, что все были согласны с ним, только «крупный работник отдела ЦК КПСС» высказался против. По его словам, МИД выступал за нормализацию отношений с КНР, а отдел ЦК — против. Однако на комиссии, о которой рассказываю, сложилась иная картина. Работник отдела ЦК КПСС, не такой уж крупный, стремился показать новые тенденции в Китае, возможности позитивных изменений в политике КНР, а «главный мидовец» выступил с резкой критикой Пекина. Громыко взял слово сразу после моего выступления. «Видимо, внутри Китая происходят разные изменения. Во внешней политике изменений нет, она остается враждебной, анти-советской. Пока рассчитывать не на что». (Цитирую по своей записи, сделанной сразу же после заседания). Далее Андрей Андреевич своим глуховато-громким голосом спокойно и деловито прочитал круглыми четкими фразами грамотную, небольшую лекцию, предостерегал от иллюзий и спешки, призывал к стойкости в борьбе против китайских предварительных требований «устранить пять препятствий». Прошелестел не освежающий зефир, промчался грозовой ветер. Что же теперь, когда А.А.Громыко уже нет, упрекать министра в том, что он не уловил изменений в общественной жизни Китая? Что аппарат МИД не довел до него знания о реальном положении дел в КНР? Вовсе нет. Дело в сложности ситуации и в ответственности министра, опасавшегося, что в спешке можно нанести ущерб интересам СССР.

Мне неизвестно, какое конкретно решение приняла комиссия. Можно только предположить, что оно стало одной из мер в направлении смягчения противоречий между СССР и КНР, так как вскоре последовал ряд соответствующих заявлений высшего руководства нашей страны. В речи в Баку в августе и в выступлении в Кремле в октябре Брежнев подчеркнул наше «искреннее желание нормализации отношений с Китаем». Андропов в ноябре на пленуме ЦК КПСС высказался в том же духе.

Крупные перемены, порою кардинальные изменения во внутренней жизни Китая, действительно не привели к адекватному изменению внешнеполитического курса КНР. После смерти Мао Цзэдуна Москва выступила с рядом инициатив, направленных на нормализацию отношений с Пекином, предложила провести переговоры на высоком уровне; советская печать временно прекратила публикацию критических материалов по Китаю. Все эти предложения Пекин отверг, телеграмму соболезнования по случаю смерти Мао даже не принял. Дэн Сяопин назвал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 1950 г. «клочком бумаги», предлагал США заключить «союз против белого медведя».

Антисоветизм являлся разменной монетой в переориентации внешнеполитического курса КНР на Запад, в формировании возможной базы китайско-американского сотрудничества. После установления дипломатических отношений между КНР и США Дэн Сяопин отправился в Америку, призвал «остановить, подорвать, парализовать» деятельность Советского Союза на международной арене, а затем объявил нашу страну — по американской формуле — «средоточием зла». Вслед за этим подписывается ряд соглашений, в том числе в сфере военных контактов. Китай начал войну с Вьетнамом. СССР и КНР оказались по разные стороны баррикад.

На переговорах КНР и СССР на уровне заместителей министров иностранных дел наша делегация передала китайцам проект Декларации о принципах взаимоотношений между двумя странами. По существу, это было заявление о доброй воле Москвы к нормализации межгосударственных отношений. Делегация Китая ультимативно требовала выполнить предварительные условия: 1) в одностороннем порядке сократить вооруженные силы вдоль границы; 2) вывести войска из Монголии; 3) прекратить поддержку Вьетнама; 4) принять китайскую концепцию «спорных районов» вдоль границы, то есть признать законными территориальные притязания к Советскому Союзу. Кроме политической перебранки, переговоры почти ничего не дали, а в связи с введением войск Советского Союза в Афганистан появилось новое пятое условие — об их выводе.

И все же в 1982 г. стали появляться проблески нормализации двусторонних связей. Курс Пекина на обострение отношений с Советским Союзом, борьбу с «социал-империализмом» приходил в противоречие с новыми стратегическими установками китайского руководства. Задачи модернизации и реформ, подъема экономики, открытость внешнему миру требовали мирной внешнеполитической обстановки. Конфронтация с СССР, нагнетание международной напряженности грозили военными конфликтами, втягивали Китай в гонку вооружений. Очень важно, что потерпела крах идея создать с США фронт противостояния Советскому Союзу. Вашингтон и Пекин, подталкивая в то время друг друга к борьбе с Москвой, убедились, что база их сотрудничества узкая, они остаются соперниками. Возрождение буржуазии, развитие капиталистических тенденций, превращение классовой партии в партию народа, в чем Пекин ранее обвинял СССР и КПСС, стали реалиями общественной жизни КНР. Враждебность к Советскому Союзу как плата за развитие политических отношений с Западом теряла свою ценность, так как на первый план выходили проблемы налаживания экономических связей.

Новые подходы Пекина нашли отражение на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.). Съезд победно затвердил курс Дэн Сяопина — собственный путь, строительство «социализма с китайской спецификой», модернизация, превращение Китая в мощную державу с использованием любых методов во имя этой цели и при условии укрепления власти

КПК, обеспечения стабильности в стране. Съезд определил обновленные принципы внешнеполитического курса КНР: независимость, самостоятельность, сохранение мира, полное подчинение задачам модернизации и развитию экономики. Советский Союз осуждался за «гегемонистскую политику», но ярлык «социал-империализм» исчез из принятого на съезде нового Устава КПК и из новой Конституции КНР 1982 г. На съезде глухо прозвучали заявления о готовности китайского руководства к нормализации отношений с СССР. Через две недели после XII съезда Брежнев заявил, что нормализация отношений между СССР и КНР будет «хорошим вкладом в укрепление мира и стабильности».

В ноябре 1982 г. начались политические консультации специальных представителей правительств на уровне заместителей министров иностранных дел. Они продолжались много лет, не давали серьезных результатов, но это топтание на месте стало полезным каналом обмена мнениями. С 1983 г. возобновились ежегодные консультации заместителей министров иностранных дел по международным вопросам, в 1984 г. в Нью-Йорке, в ходе сессий Генеральной ассамблеи ООН, впервые за многие годы состоялась встреча министров иностранных дел двух стран; стороны обменялись визитами заместителей глав правительств. В 1982 г. начался рост взаимной торговли. И к 1985 г. товарооборот увеличился более, чем в 9 раз. Межгосударственные контакты на различных уровнях несколько оживились, пока нередко формально и с малой результативностью — полезные консультации, переговоры, но общий фон враждебности сохранялся. Более регулярной стала деятельность в рутинной сфере межгосударственных связей: обмен нотами по текущим международным вопросам, служебные консультации ведомств, обмен рабочими группами технических специалистов и т.д.

Стали посещать Китай и делегации представителей общественности. Одной из первых была делегация советских писателей: С. Михалков, Е. Евтушенко, Ю. Семенов и специалист в области китайской литературы Л. Эйдин. Мне поручили рассказать писателям о положении в КНР. Корифеи равнодушно слушали. Какие вопросы? Никаких вопросов о китайских интеллектуалах, литературе. С. Михалков хотел бы издать в КНР том своих произведений и спросил, сколько ему заплатят. «Я самый читаемый поэт в мире, — скромно заметил Е. Евтушенко. — Для Китая будет престижно, если я о нем напишу. Прошу во время поездки устроить мои публичные выступления на стадионах с показом по телевидению, перевести на китайский мой роман и сборник стихов. Сколько они заплатят? Прошу также обеспечить мою встречу с Дэн Сяопином». Застенчивый Эйдин краснел, Ю. Семенов усмехался. Я сказал, что КНР еще не подписала соответствующих международных соглашений и ничего за переводы не платит.

Между тем на пути нормализации советско-китайских отношений Москва обнаружила новое стратегическое препятствие — «Китай повернул вправо». Процессы в КНР были квалифицированы как буржуазное перерождение, опасное и враждебное социализму, интересам нормализации отношений двух стран. Возникла дилемма: признать китайские реформы здоровыми, более того, учесть их опыт или толкать отношения между нашими государствами снова в тупик?

Уже после нормализации отношений между СССР и КНР «задним числом» было изобретено еще одно препятствие, якобы стоявшее на пути нормализации связей двух стран, — отдел ЦК КПСС. В потугах выставить себя единственными радетьелями за нормализацию, писали об этом, как правило, отставники. Естественно, писали уже после того, как не стало ни Советского Союза, ни КПСС: «Высший ареопаг думал как я, а отдел ЦК — иначе», «Советское руководство проявляло политическую мудрость, а отдел ЦК мешал ее реализовать» — подобные коридорные байки не могут не вызвать улыбку.

Хорошо известно, что проекты всех важнейших заявлений и мер руководства Советского Союза прорабатывались совместно аппаратами ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ СССР, Министерства обороны и других ведомств и утверждались политбюро ЦК КПСС. Практическая сторона реализации установок ЦК КПСС чаще всего возлагалась, естест-

венно, на МИД СССР — партийные контакты отсутствовали. Вспоминаю совместные с сотрудниками МИД обсуждения проектов директив нашим делегациям, в том числе у первого заместителя министра иностранных дел В.В. Кузнецова, одного из авторитетных дипломатов СССР. Он внимательно относился к замечаниям участников совещаний.

Следует иметь в виду и то, что неоднократные официальные заявления советского правительства, лидеров КПСС о стремлении Москвы к нормализации отношений с Пекином готовились, за очень редким исключением, с участием отдела, часто по инициативе отдела. Отдел ЦК не мог вести какую-то отличную от линии политбюро ЦК КПСС политику, особенно в тех условиях.

Ныне нередко осуждается «догмат и синдром партийности внешней политики». Рухнувшего гиганта может пинать любой пигмей, тем более, что у гиганта были и ошибки, и пороки. В то время не могло быть иной, «непартийной» политики, ибо это и была государственная политика. Могло ли быть иначе в условиях авторитарной системы, где Конституция закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС в советском государстве? Понятно, что «партийность» привносила элементы идеологической окраски во внешнюю политику. Но понятно ли, что идеологические формулы лишь прикрывали государственные интересы Советского Союза, что «партийность» означала обеспечение единой государственной внешней политики, чтобы не было какой-то отраслевой, «миловской» политики, или внешней политики Министерства обороны, или КГБ, чтобы лебедь, рак и щука везли телегу в одном направлении?

И все же, должен отметить, что отдел ЦК КПСС в целом придерживался более осторожной, если можно так сказать, консервативной, «охранительной» позиции по вопросу нормализации отношений с Китаем. Вероятно, сказывалась инерция идеологического противостояния. Однако после инцидентов у Даманского и смерти Мао Цзэдуна оно отошло далеко на задний план. Существовали более основательные причины.

Прежде всего, не было достаточной ясности, до какой степени дойдет сближение КНР и США (в 1982 г. товарооборот КНР с США в 17 раз превышал торговлю с СССР), особенно в военно-политической сфере. Заявления китайского руководства, конечно, учитывались: в течение одного года китайские руководители — члены политбюро и секретариата ЦК КПК, заместители премьера — более 100 раз выступили с антисоветскими материалами, а «Жэньминь жибао» опубликовала 2,5 тыс. таких статей. Учитывались и китайские оценки отношений между СССР и КНР, но основную озабоченность и главную трудность вызывали предварительные условия Пекина для нормализации отношений — то пять, то три, в зависимости от тактики.

Собственно говоря, эти требования и условия и определяли круг реального маневрирования в советско-китайских отношениях. Очевидно, что без пересмотра нашей политики, без крупных уступок Пекину добиться серьезных реальных сдвигов в советско-китайских отношениях было трудно. «Если Советский Союз не сделает ни одного шага вперед по преодолению препятствий, — заявил Дэн Сяопин в 1984 г., — то решительная перемена в отношениях между двумя странами будет невозможной».

Решительная перемена была невозможна и без существенных изменений в китайской политике. Надо было добиваться взаимных уступок, требовалось время, вряд ли могла помочь «шоковая терапия». Поэтому стала применяться тактика «малых шагов»: предложения о развитии торговли, зондирующие выступления в печати, возобновление переговоров по границе и иных консультаций, контакты в области спорта, культуры, другие дозированные мероприятия.

Еще одним фактором, который «давил» на отделы ЦК КПСС, были процессы в международном коммунистическом движении и социалистическом лагере. Идеологическое и политическое брожение, поиски «своих моделей», трещины в отношениях с КПСС требовали — и это было мнение политбюро — осторожных мер и в отношениях с КНР.

Наконец — и это, на мой взгляд, весьма существенно — советское руководство оказалось не готовым ни осуществлять «свои» реформы, ни принять китайские. Ни отдел ЦК, ни МИД, ни КГБ не смогли, видимо, показать руководителям государства обоснованность выбора Китаем своего особенного пути, своей модели социализма. Информация, поступающая в ЦК КПСС, свидетельствовала о явном отходе Пекина от социализма советского образца и рождала опасения, что влияние китайских реформ может подорвать основы «развитого социализма» в СССР, вызвать потрясения в стране. На защиту этой консервативной позиции и был выдвинут отдел ЦК КПСС. Отдел ударил в колокола: «Против правого уклона в КНР!», мобилизовал на борьбу ученых и СМИ. Особенно это проявилось на второй Всесоюзной конференции китаеведов (январь 1982 г.) и на учредительной конференции Всесоюзной ассоциации китаеведов (июнь 1983 г.).

Многие официальные представители и политические деятели социалистических стран, международного коммунистического движения одобрительно относились к переменам в КНР, Запад аплодировал. Стали задумываться и в Москве. Чтобы совершить поворот, необходимо было капитально подготовить обоснования и найти повод.

Повод нашелся.

В октябре 1984 г. пленум ЦК КПК рассмотрел и принял постановление «О реформе хозяйственной системы». Формально речь шла о переходе к активному преобразованию экономики городов, промышленности, по существу же — о новом этапе реформ. Постановление закрепляло долговременную стратегию социально-экономического развития КНР, переход к собственной модели строительства «социализма с китайской спецификой» на основе обеспечения стабильности, с помощью рычагов реформы и открытости внешнему миру.

В целях всесторонней оценки решений пленума отдел ЦК КПСС поручил всем основным научно-исследовательским институтам страны проанализировать ситуацию в Китае, сделать предложения о нашей реакции, возможных шагах Советского Союза, в том числе в сфере советско-китайских отношений. Были привлечены НИИ Академии наук: Экономики, Экономики мировой социалистической системы, Мировой экономики и международных отношений, Дальнего Востока, Международного рабочего движения, Философии, Научной информации по общественным наукам, а также Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук при ЦК КПСС и др. Отдел получил два десятка докладов.

Мне приходилось часто общаться с учеными, я в то время был членом Ученого совета ИДВ, редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» и ежегодника «Китайская Народная Республика», входил в Бюро научного совета АН СССР, участвовал в работе конференций Европейской ассоциации китаеведов в Италии, Швейцарии, Англии, Германии и т.п. В беседах ученые нередко высказывали заслуживающие внимания точки зрения, позитивно оценивали китайские реформы. Надо было использовать этот потенциал. Но в «официальных» докладах ничего оригинального не было. Пришлось убедить еще раз, насколько велика была объяснимая для тех времен боязнь отклониться от «партийной линии», сила самоцензуры и политического консерватизма: ни один институт не вышел за рамки установок и курса ЦК КПСС, не выступил с радикальными оценками и предложениями.

Ученые писали о том, что реформы КНР не согласуются с общими закономерностями социалистического строительства, противостоят опыту СССР, льют воду на мельницу правобуржуазного ревизионизма. Но все же глухо говорили, что положение в Китае противоречиво, необходимо изучать ситуацию, самые смелые отмечали, что вряд ли целесообразно давать процессам окончательные оценки. И только заведующий кафедрой управления АОН при ЦК КПСС Р. Белоусов подчеркнул: главный вывод — нужна не словесная критика, необходимо совершенствование хозяйственного механизма в СССР с учетом опыта КНР.

Следовало использовать все возможные пути доведения до руководства страны особого значения для советско-китайских отношений, для оценки опыта КНР с точки зрения его применения в СССР происходивших в КНР процессов и намеченных Пекином крупных преобразований, чтобы бросить взгляд на нашу экономику через призму китайской реформы. Отдел предложил направить в Китай, а я подобрал, группу ученых-экономистов: В. Костакова — доктора экономических наук, заместителя директора Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР (с ним мы работали еще в комсомоле в МГУ, позднее он стал директором научно-исследовательского института); Ю. Яременко — доктора экономических наук, заместителя директора Центрального экономико-математического института АН СССР, (впоследствии академик РАН, мы вместе учились в Китае); В. Ремыгу — китаиста, научного сотрудника ИДВ РАН (я был оппонентом при защите его докторской диссертации); В. Королева — он выступал как сотрудник Научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР (с ним работали в советском посольстве в Пекине).

В ноябре-декабре 1984 г. делегация проделала в Китае большую работу. Это была уникальная акция. Ученые посетили экономические организации в пяти провинциях: Хэбэй, Хубэй, Шэньси, Сычуань, Гуандун и шести крупнейших городах КНР: Пекин, Сиань, Чэнду, Чунцин, Ухань, Гуанчжоу. Все это были очаги углубляющихся реформ. Ученые провели обстоятельные беседы в основных научно-исследовательских институтах АОН Китая и государственных учреждений (Госплана КНР, Минвнешторга, Минфина), встречались с руководством Госкомитета по реформе хозяйственной системы, Управления материально-технического снабжения, Центра по ценообразованию. Обследовали ряд промышленных, финансовых и сельскохозяйственных предприятий. Всего ознакомились с работой 50 ведомств и предприятий, в беседах с китайской стороны приняли участие более 280 человек. Китайские собеседники в деловом тоне рассказывали о сложных процессах внедрения элементов рыночного механизма в основных звеньях народного хозяйства.

Профессионализм, обилие полученного «из первых рук» материала, беспристрастный взгляд на китайскую действительность позволили членам делегации дать в целом объективную картину противоречивых явлений проводимых в КНР реформ.

По итогам поездки делегация сделала обстоятельный доклад, положительно оценив китайские реформы, подчеркнула, что переход Китая к стабильности «является благоприятным для СССР». Был проделан глубокий социально-экономический и производственно-экономический анализ хозяйственной системы КНР. В своих обобщениях, избегая идеологических штампов, делегация отметила, что «Китай вступил в полосу чрезвычайно быстрого экономического роста», что причины успехов Китая заключаются в «новой экономической стратегии», в «принципиальном изменении качественных ориентиров развития», в «факторах, заключенных в хозяйственной реформе», а также объясняются прочным руководством со стороны правительства и КПК.

Делегация рекомендовала не копировать буквально китайский опыт, но принять в СССР аналогичные меры с учетом специфики, уровня и состояния экономики нашей страны; активно использовать складывающиеся условия для развития советско-китайских экономических связей; «не увлекаться схоластическими изысканиями» при оценке положения в КНР, принимать прагматические решения. Ученые призвали отказаться от ситуации, когда «наших наблюдателей не столько занимает существо протекающих в Китае процессов, сколько их идеологическая интерпретация».

Уже в то время члены делегации отмечали, что возникает опасная для СССР тенденция отставания от темпов развития Китая и «скатывания в задние ряды мировой экономики».

Наиболее характерным моментом общественно-политической ситуации в КНР, говорили советские экономисты, было широкое обсуждение в соответствии с установкой съезда КПК вопроса о «строительстве социализма с китайской спецификой». Наряду с прежними темами (множественность моделей экономики, ущербность советского опыта,

роль товарно-денежных отношений и др.) на первый план выдвигались проблемы реформы, перехода к рыночной экономике и открытой внешнеэкономической политике с ориентацией на Запад. Китайские политики и ученые сделали принципиальный шаг вперед: от обсуждения моделей хозяйственного механизма к попыткам сформулировать общую, комплексную теорию, концепцию специфического китайского социализма, охватывающую характер общественной системы в КНР в целом. Речь шла об особом типе общественного устройства в Китае, об особом типе смешанной экономики, основное содержание которой уже обозначилось, включая отношения собственности, многоукладность, социальную структуру, место государства, идейно-политическую систему и т.д.

Эта концепция базировалась прежде всего на учете особенностей страны с сильным националистическим и прагматическим «привкусом» и нацеливалась на создание в будущем могучего государства. Во многом речь шла о конвергенции, «интеграции» элементов капитализма и социализма. Об этом говорили Дэн Сяопин и Ху Яобан. Формирование «теории социализма с китайской спецификой» сопровождалось острыми дискуссиями, в которых проявлялись противоречия между различными группировками в пекинском руководстве, но преобладала наступательная, динамичная позиция китайских национал-прагматиков.

Отмечая трудности и негативные явления ситуации в Китае, делегация сделала вывод, что хозяйственные реформы, в целом, эффективны. Среднегодовой темп роста промышленного производства в 1979–1983 гг. составил 8,4%, сбор зерновых увеличился почти на 100 млн т и достиг рекордного уровня, удвоилась внешняя торговля, в два раза выросли доходы сельского населения, сократились диспропорции, возросла производительность труда.

Весьма важным был вывод: нельзя упрощенно относить сдвиги в экономике Китая только на счет «рыночных реформ». Взгляд, согласно которому переход к рынку стал причиной китайского чуда, является «чрезмерно идеализированным», не менее важным был переход от стратегии догоняющего развития к стратегии сравнительных преимуществ. Ученые обращали внимание на значение осуществленного в Китае «структурного маневра», в том числе в пользу резкого увеличения производства товаров народного потребления, регулирования движения рабочей силы, «финансово-стоимостных пропорций», развития инфраструктуры. Существенную роль сыграла политика инвестиций с учетом задач структурной перестройки, повышение закупочных цен на основные виды аграрной продукции, дотации сельскому хозяйству, освобождение от налогов беднейших бригад, рост фонда заработной платы и т.п. Для нас это была не менее важная сторона опыта КНР...

Складывалось общее впечатление, что понять и принять китайские реформы Москве мешали застарелая неприязнь к теории и практике плюралистической смешанной экономики, моделям «рыночного социализма», «конвергенции социализма и капитализма». Между тем именно усиление этих тенденций в хозяйственных механизмах многих государств разных политических и экономических систем являлось характерной чертой мировых экономических процессов.

Главный вывод из китайского опыта реформ, на мой взгляд, вовсе не «рыночный социализм», а вызов застою — нельзя стоять на застывшей платформе, нельзя бояться преобразований. Наша страна увязала в глубокой колее консерватизма, догматизма. У нас мог бы быть свой путь реформ: структурная перестройка экономики за счет, прежде всего, инвестиционных, а также административных и рыночных факторов, переключение части военно-промышленного комплекса на изготовление высокотехнологичной гражданской продукции, реорганизация финансирования, в первую очередь, с целью стимулирования развития колхозов. Наше положение в свое время было выгоднее китайского, сравнительные преимущества Советского Союза предпочтительнее: ВПК, научный потенциал, сырье.

Заметную роль в создании более благоприятной атмосферы в советско-китайских отношениях (в том числе — вокруг китайских реформ) сыграл визит в декабре

1984 г. в Китай первого заместителя председателя Совета министров СССР И.В. Архипова. В ходе визита был подписан ряд важных соглашений. Однако принципиального вывода руководством СССР об отношении к реформам сделано не было.

Тогда по инициативе отдела ЦК КПСС был предпринят еще один шаг — создается огромная и, казалось, авторитетная комиссия для подготовки специального доклада ЦК партии о китайских реформах. В ее состав входили: руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС Ладыгин Б.Н., консультанты нескольких отделов — Кулик Б.Т., Литвяков П.П., Ожерельев О.И., Титаренко М.Л., Шабалин А.Я., зав. отделом ИМЛ при ЦК КПСС Минаев Л.М., зав. кафедрой АОН при ЦК КПСС Белоусов Р.А., зам. директора ИДВ АН СССР Кривцов В.А., зам. директора ИЭ АН СССР Куликов В.В., референт Разов С.С., зав. сектором Шабалин В.И.

В работе комиссии также участвовали заместитель министра внешней торговли СССР Гришин И.Т., директор ИЭМСС АН СССР академик Богомолов О.Т., директор МИЭП СЭВ член-корреспондент АН СССР Ширяев Ю.С., зав. отделом ИДВ АН СССР профессор Коновалов Е.А., зам. зав. отделом Госплана СССР д.э.н. Сенчагов В.К., зав. кафедрой Московского института управления, член-корреспондент АН СССР Бунич П.Г., зам. директора НИЭИ при Госплане СССР д.э.н. Костakov В.Г.

Такие команды создавались обычно для подготовки материалов к пленумам ЦК КПСС. Были использованы официальные материалы, более 40 докладов и справок ведомств и научно-исследовательских институтов, в том числе ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, Госплана СССР, ГКНТ, МВТ СССР, Госкомцен СССР, ИДВ, ИЭМСС, ИЭ АН СССР, посольства СССР в Пекине, отчеты советских делегаций, посетивших КНР. В начале 1985 г. доклад «Об основных направлениях и возможных последствиях реформы хозяйственной системы в КНР» после острых дискуссий был подготовлен.

В нем было все. И осуждение «отхода от проверенных опытом СССР закономерностей строительства социализма», и утверждение, что реформы в КНР соответствуют условиям страны, «плюсы перевешивают минусы», и критика буржуазных теорий, и прогнозы насчет того, что реформы, с одной стороны, могут ухудшить советско-китайские отношения, а с другой — могут улучшить... Содержался вывод: реформы не стоит клеймить. Это был шаг вперед. Не было главного. Во-первых, четкого признания, что реформы для Китая — благо; во-вторых, что Советскому Союзу пора активно реформировать свою экономику. Гора родила мышь.

Наиболее «мудрые» и «дальновидные» члены комиссии понимали, что руководство партии и государства не готово открыть фронт реформ в СССР, поэтому не готово признать опыт КНР заслуживающим глубокого изучения. КПСС, советское руководство оказались неспособными понять необходимость перехода к смешанной экономике, от экстенсивного к интенсивному типу развития и перешагнуть этот порог, что потребовало бы колоссальных изменений в стране, в способе производства, системе управления, в политических и идеологических доктринах.

К тому же обстановка в руководстве КПСС становилась все нестабильнее. А.Н. Косыгина уже не было. Н.А. Тихонов готовился уходить на пенсию. В январе 1982 г. умер М.А. Суслов, осенью — Л.И. Брежнев, в 1983 г. — А.Я. Пельше, в 1984 г. — Д.Ф. Устинов и Ю.В. Андропов, вскоре скончался К.У. Черненко. Геронтократия рушилась, увлекая страну в пропасть. Высшее чиновничество государственных и партийных органов суеилось, не понимая, куда идет страна. Заявление Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем» прозвучало как удар хлыста по теориям «развитого социализма».

Никто не брал на себя ответственность за принципиальные кардинальные решения, в том числе по китайскому вопросу. Пар ушел в свисток, не дошедший до слуха руководства ЦК КПСС. Доклад на политбюро не обсуждался. Если бы на рубеже 1984–1985 гг. были приняты решения, которые стучались в политбюро ЦК КПСС со всех сторон, нор-

мализация советско-китайских отношений совершилась скорее, реформы в Советском Союзе начались упорядоченнее и не понадобилась бы «шоковая терапия». Если бы...

В марте 1985 г. к власти пришел М.С. Горбачев. Можно, видимо, констатировать, что с его приходом курс на нормализацию отношений с Китаем стал определеннее, последовательнее. Горбачев, как и лидеры КНР, протянул руку Западу, как китайцы, отверг классовую линию внешней политики, встал на позиции ее «деидеологизации». Прораставшие в ходе «перестройки» установки в области внутренней политики нередко совпадали с китайскими. Все это сближало. Правда, китайские лидеры цепко держались за власть, укрепляли руководящую роль КПК, единство государства, обеспечивали стабильность общества, поднимали знамя социализма во имя могущества страны, а наши «перестройщики» шли по пути отказа от социализма, развала государства, подрыва единства общества, разгрома КПСС и прежних завоеваний страны.

Однако важнейшим фактором нормализации, на мой взгляд, явились не гастрольные поездки в Китай, не идеологические игры, а, по существу, — признание Москвой требований и предварительных условий Пекина. Советский Союз прекратил полемику и уступил по основным вопросам выдвинутых китайцами «пяти препятствий», кроме, пожалуй, концепции «спорных районов» на границе. Китай свернул «бумажную войну». И мириться поехал не Дэн Сяопин в Москву, хотя в свое время он отправился с такой миссией в Вашингтон, а президент СССР М.С. Горбачев в 1989 г. направился «в Каноссу», где во время встречи с Дэн Сяопином последний произнес в ходе своей назидательной речи знаменитую фразу: «Закроем прошлое, откроем будущее». Этот лозунг и повторяется ныне. Впервые же такое предложение, отвергнутое китайской стороной, сделал в 1969 г. на встрече с Чжоу Эньлаем А.Н. Косыгин: «Свяжем прошлое в один узел и выбросим, тогда легче и проще найти подход к будущему». И об этом тоже не стоит забывать.